

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

К Н И Г И

Кейт Аткинсон

Музей моих тайн

Человеческий крокет

Витающие в облаках

Преступления прошлого

Поворот к лучшему

Ждать ли добрых вестей?

Чуть свет, с собакою вдвоем

Жизнь после жизни

Боги среди людей

Хозяйка лабиринта

Большое небо

КЕЙТ АТКИНСОН

**ЖДАТЬ ЛИ
ДОБРЫХ
ВЕСТЕЙ?**

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
А 92

Kate Atkinson
WHEN WILL THERE BE GOOD NEWS?
Copyright © 2008 by Kate Atkinson
All rights reserved

Перевод с английского Анастасии Грызуновой

Оформление обложки
Вадима Пожидаева и Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-18772-6

© А. Б. Грызунова, перевод, 2011
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

Лучший детективный проект десятилетия... Книги из тех, что суешь людям в руки со словами: «Ты просто обязан это прочесть!»

Стивен Кинг

Если кто-нибудь скажет вам, что детективы теперь умеют писать только скандинавы, а прежние «хозяева дискурса», британцы, давно выдохлись и механически воспроизводят жанровые клише пятидесятилетней давности, просто назовите ему эту фамилию — Аткинсон, и на этом разговор закончится. Рассказывая об этой 60-летней женщине, трудно удержаться от восточноевропейской непосредственности — да ведь она прямо-таки мегазвезда, Агата Кристи на стероидах, умная, как черт, и остроумная, как тысяча чертей.

Замечательно прописанные герои, на которых навешаны камеры слежения; сцена за сценой — невероятно динамичные; здесь все не то, чем кажется, все ненадежно, никому нельзя верить; единственное, что неизменно, — это война против клише, литературных и житейских, с первой до последней страницы. Словом, это нечто удивительное...

*Лев Данилкин
(Афиша)*

Кейт Аткинсон — настоящее чудо.

Гиллиан Флинн

Столь непринужденному сочетанию комичного и трагичного мог бы позавидовать сам Диккенс — разве что сюжет у Аткинсон выстроен даже хитроумнее.

Хилари Мантел

Талант у Кейт Аткинсон поистине безграничный.

Маргарет Форстер

Кейт Аткинсон — поразительный мастер. Она произвела революцию в жанре детектива...

Мэтт Хейз

Кейт Аткинсон — обязательное чтение. Я обожаю все, что она пишет.

Харлан Кобен

Кейт Аткинсон — из тех редчайших авторов, кто без малейших усилий смыкает разрыв между настоящей литературой и коммерческой прозой.

Фэй Уэлдон (Sunday Express)

Приключения Джексона Броуди в равной степени привлекают и мужскую, и женскую аудиторию — только лучшие детективы могут этим похвастать.

The Times

Наконец-то Джексон Броуди вернулся в этой блестящей драме о природе судьбы, любви и памяти. Однозначно книга месяца.

Marie Claire

Вышла новая книга о Джексоне Броуди — и вправду добрая весть. А вот весть еще добрее: этот роман — лучший из трех.

Mirror

Каждую новую книгу Аткинсон ждешь, как Рождества: никто другой из наших современных писателей не способен так виртуозно балансировать на грани между серьезным и увлекательным, комичным и трагичным.

Sunday Telegraph

Один из самых блестящих, остроумных авторов нашего времени.

The Scotsman

По литературному мастерству, по яркости и глубине психологических описаний Кейт Аткинсон сегодня нет равных.

Evening Standard

Кейт Аткинсон умеет быть загадочной и смешной, поднимая этот свой дар в каждом новом романе до заоблачных высот.

Sunday Tribune

Как это у нее получается? Аткинсон заставляет читателя то хохотать навзрыд, то рыдать в голос — иногда в пределах одной и той же фразы. Выдающийся триумф, неудержимая радость!

The Boston Sunday Globe

Просто невероятно, насколько книги Кейт Аткинсон полны радости жизни, притом что смерть в них отнюдь не редкая гостья. Безудержная энергия пронизывает ее романы от первой до последней страницы, сплавляя воедино прошлое и настоящее...

Guardian

Литературная карьера англичанки Кейт Аткинсон вычертила довольно необычный зигзаг: начав с «просто романов», писательница переместилась в нишу детектива, добилась там колоссального успеха, а затем, не моргнув глазом, вновь вернулась к «просто романам».

Галина Юзефович

Если первые две книги были отличными, то третья вообще восторг на ножках. Поперек всех правил, между прочим... К третьей книге Аткинсон совсем отпускает женское свое нутро пастись на воле — и благодарный читатель наконец-то окончательно убеждается в том, что мужики в лучшем случае бестолочь лоховская, а в основном — опасные тряпки. А спасти семью, сохранить рассудок близким или рубануть все узлы одним ударом карандаша в глазницу может только женщина — умная, утомленная и вообще-то добрейшая... А связанный залп всех-всех-всех ниточек, волосков и ружей, разбросанных в ходе действия по стенам и углам, выглядит чарующим и снайперским бонусом.

Шамиль Идиатуллин

*Дейву и Морин — спасибо за все хорошее,
а лучшее еще впереди*

Этих людей я должна поблагодарить за помощь и консультации (простите, если ваши сведения исказились, попав ко мне):

Мартин Олд, Малькольм Диксон
(помощник инспектора полиции Шотландии),
Расселл Экви, детектив-суперинтендант Малькольм Грэйм
(полиция Лотиана и Шотландских Границ),
мой родственник майор Майкл Кич, д-р Даг Лайл,
детектив-суперинтендант Крейг Нейлор
(полиция Лотиана и Шотландских Границ),
Брэдли Роуз, детектив-суперинтендант Эдди Томпсон
(Столичная полиция),
доктор Энтони Тофт;
и наконец — последним, что не умаляет его важности, —
я благодарю моего двоюродного брата Тимоти Эдвардса
за название романа.

С географией Уэнслидейла и Юго-Западного Эдинбурга
обращалась немножко вольно и за точностью особо не гонялась.
Извините — право художника и все такое.
Я в жизни не видала, чтобы в поле Мидмара паслись лошади,
но это ведь не значит, что их там не может быть.

Мы, уходя, не знаем, что уходим,
Острим — и за порог;
Дверь на замок — теперь мы больше
Не потревожим Рок.

Эмили Дикинсон

I. В прошлом

Урожай

Жар от гудрона как будто застрял меж густых изгородей — они возвышались над головами, точно крепостные стены.

— Давит, — сказала мать; они тоже как будто застряли. — Как лабиринт в Хэмптон-Корт¹, — сказала она. — Помните?

— Да, — сказала Джессика.

— Нет, — сказала Джоанна.

— Ты совсем маленькая была, — сказала мать Джоанне. — Как Джозеф.

Джессике было восемь, Джоанне шесть.

Дорожка (они называли ее «переулок») извивалась туда-сюда — не разглядишь, что там впереди. Приходилось держать собаку на поводке и жаться к изгородям — а то «вдруг появится» машина. Джессика была старшая, и собачий поводок всякий раз доставался ей. Она только и делала, что дрессировала собаку — «К ноге!», и «Сидеть!», и «Ко мне!». Мать говорила, не мешало бы Джессике поучиться у собаки послушанию. Джессика вечно была за главную. Мать говорила Джоанне: «Неплохо бы думать

¹ Хэмптон-Корт — королевский дворец в лондонском предместье Ричмонд-на-Темзе, загородная резиденция английских королей в 1529–1760 гг., с 1838 г. открыт для публики. Лабиринт в Хэмптон-Корт был создан в 1690-х гг. по заказу Вильгельма III, принца Оранского. — *Здесь и далее прим. перев. Переводчик благодарит за поддержку Бориса Грызунова.*

самой. Умей постоять за себя, своей головой думай», но своей головой Джоанна думать не хотела.

Автобус ссадил их на шоссе и поехал себе дальше. Выйти из автобуса всем семейством — ужас какая «морoka». Мать держала Джозефа под мышкой, как сверток с покупками, а другой рукой с трудом раскладывала навороченную коляску. Джессика и Джоанна сообща выволакивали из автобуса покупки. Пес справлялся сам.

— Никто никогда не помогает, — сказала мать. — Замечаете?

Они замечали.

— Блядская сельская идиллия, спасибо вашему папочке, — сказала мать, когда автобус отбыл в голубых дымах выхлопа и жара. — И не смейте материться, — машинально прибавила она. — Материться можно только мне.

Машины у них больше не было. В ней уехал отец («ублюдок»). Отец писал книги, «романы». Однажды снял книжку с полки и показал Джоанне, ткнул в свою фотографию на задней обложке и сказал:

— Это я, — но прочесть не разрешил, хотя Джоанна уже хорошо умела. («Не сейчас, попозже. Боюсь, я пишу для взрослых, — засмеялся он. — Там есть такое, ну...»)

Их отца звали Говард Мейсон, а мать — Габриэлла. Иногда люди радовались, улыбались отцу, уточняли: «Тот самый Говард Мейсон?» (А иногда, без улыбки: «Этот Говард Мейсон», — это значило другое, но Джоанна не очень понимала, в чем разница.)

Мать говорила, что отец выдернул их с корнем и пересадил «в какую-то глушь».

— Точнее, в Девон, под каковым именем эта глушь обычно фигурирует, — отвечал отец. Он говорил, что ему нужно «пространство для творчества», а им всем полезно «пообщаться с природой». — Никакого телевизора! — сказал он, как будто их порадовать хотел.

Джоанна по-прежнему скучала по школе, по друзьям, по «Чудо-женщине»¹ и по дому на улице, где можно дойти до лавки, купить «Потеху»², и лакричную палочку, и яблоки, которые бывают трех сортов, а не тащиться по переулку, потом по дороге, потом на двух автобусах, а потом все то же самое, только наоборот.

Переехав в Девон, отец первым делом купил шесть рыжих кур и целый улей пчел. Всю осень копался в огороде перед домом — «готовился к весне». После дождя огород превращался в сплошную слякоть, и она заползала в дом — даже на простыни. Пришла зима, лиса пожрала кур, которые так и не снесли ни яичка, а все пчелы померзли, что вообще неслыханно, сказал их отец, а потом прибавил, что все это впишет в свою книгу («роман»).

— Ну, значит, не зря мы страдали, — сказала мать.

Отец писал за кухонным столом, потому что хоть чуточку тепло было только в кухне — спасибо гигантской и темпераментной плите «Ага», которая, говорила мать, «ее в гроб загонит».

— Жду не дождусь, — бормотал отец. (С книгой у него не ладилось.)

Отец всеми помыкал, даже матерью.

— От тебя сажей несет, — говорил ей отец. — А еще капустой и молоком.

— А от тебя неудачей, — отвечала мать.

Раньше она пахла интересно — краской, скипидаром, табаком, духами «Je Reviens», которые отец покупал ей еще в те времена, когда она была семнадцатилетней «католической школьницей»; они означали «я вернусь» —

¹ «Чудо-женщина» (*Wonder Woman*, с 1941 г.) — серия комиксов компании «DC Comics»; создатель персонажа и автор первых выпусков — психолог и изобретатель феминист Чарлз Моултон (Уильям Моултон Марстон, 1893–1947).

² «Потеха» (*The Beano*, с 1938 г.) — журнал детских комиксов компании «D. C. Thomson & Co».

это было ей послание. Отец говорил, что мать была «красоткой», а мать говорила, что «художницей», но с тех пор, как они переехали в Девон, она ни разу не рисовала.

— Два творческих таланта в один брак не влезут, — говорила она эдак по-своему, воздев брови и вдыхая дым сигарилл.

Она их называла «сигарийи», как иностранка. В детстве она много где побывала и когда-нибудь отвезет туда детей. У нее горячая кровь, говорила мать, не то что у отца — он вообще рептилия. Мать была умная, и смешная, и умела удивлять, и совсем не походила на других матерей.

— Экзотическая, — говорил их отец.

Спор о том, кто чем пахнет, по всей видимости, еще не закончился, потому что мать схватила с серванта белосиний полосатый кувшин и метнула в отца. Отец сидел за столом и глядел на пишмашинку, как будто слова напишутся сами, если потерпеть. Кувшин ударил его в висок, и отец взревел от боли и неожиданности. Джессика выдернула Джозефа из детского стульчика — стремительно, Джоанне оставалось только восхищаться, — и сказала Джоанне:

— Пошли.

И они пошли наверх и стали щекотать Джозефа на двуспальной кровати, где обе и ночевали. В спальне не топили, и кровать была завалена стегаными одеялами и старыми материнными пальто. В конце концов все трое уснули, уютившись в запахах сырости, нафталина и «Je Reviens».

Проснувшись, Джоанна увидела, что Джессика сидит, опираясь на подушки, в перчатках, мохнатых наушниках и в пальто, как будто в палатке. Джессика читала, светя в книжку фонариком.

— Электричество вырубили, — пояснила она, не отводя глаз от книжки.

За стеной слышалось ужасное звериное сопенье — значит, родители опять помирились. Джессика молча протя-

нула Джоанне наушники, чтоб сестре не пришлось слушать.

Когда наконец наступила весна, отец не стал разводить огород, а уехал в Лондон и поселился со «своей другой женщиной», сильно удивив Джоанну и Джессику, но, видимо, ни капли не удивив их мать. Другую женщину отца звали Мартина — *поэтесса*; мать выплевывала это слово как проклятие. Она обзывала другую женщину (*поэтессу*) такими словами, что, когда сестры набирались храбрости шептать их друг другу под одеялом (*сука-пизда-шлюха-поэтесса*), слова отравляли самый воздух.

Теперь в браке мать осталась одна, но все равно не рисовала.

Они шагали по переулку гуськом — «как индейцы», сказала мать. Полиэтиленовые пакеты висели на ручках коляски, и, если мать отпускала ручки, коляска заваливалась назад.

— Мы прямо вылитые беженцы, — сказала мать. — Однако мы не падаем духом, — бодро прибавила она.

К концу лета — «как раз к школе» — они переедут в город.

— Слава тебе господи, — сказала Джессика, совсем как мать.

Джозеф спал в коляске, открыв рот, и в груди у него похрипывало — простудился, никак не оклемается. Он так вспотел, что мать раздела его до подгузника, и Джессика обдувала Джозефу ребрышки, чтоб остыл, а мать сказала:

— Только не забуди.

Попахивало навозом и подгнившей травой, а от запаха бутеня Джоанна расчихалась.

— Не повезло, — сказала мать. — Мои аллергии достались тебе.

Материны темные волосы и бледная кожа достались «красавчику» Джозефу, зеленые глаза и «руки художницы» — Джессике. Джоанне отошли аллергии. Не повезло.

У Джозефа с матерью и день рождения один, — правда, у Джозефа еще не было дней рождения. Через неделю будет первый.

— Это особенный день рождения, — сказала мать; а Джоанна думала, все дни рождения особенные.

Мать надела любимое Джоаннино платье, голубое с красными клубничинами. Мать говорила, оно старое и следующим летом она его раскроит и, если Джоанна захочет, сошьет ей что-нибудь. Джоанна видела, как движутся мускулы материных загорелых ног — мать толкала коляску в горку. Мать была сильная. «Яростная», — говорил отец. Джоанне нравилось это слово. Джессика тоже была яростная. А Джозеф пока никакой. Младенец и младенец, толстый и довольный. Джозефу нравились овсянка, и банановое пюре, и бумажные птицы над кроватью — мобиль, который смастерила мать. Джозефу нравилось, когда сестры его щекочут. Сестры ему тоже нравились.

У Джоанны по спине тек пот. Поношенное ситцевое платье липло к коже. Платье досталось от Джессики.

— Честная бедность, — смеялась мать.

Когда она смеялась, крупный рот у нее становился как перевернутый месяц — даже если она счастлива, ни за что не догадаешься. Все, что было у Джоанны, досталось ей от Джессики. Как будто без Джессики не было бы никакой Джоанны. Джоанна заполняла пустоты, которые оставляла за собой Джессика.

За изгородью замычала невидимая корова, и Джоанна подскочила.

— Просто корова, — сказала мать.

— Красные девонские, — сказала Джессика, хотя коров не видела.

Откуда она знает? Она всегда знает, как что называется, видимое и невидимое. А Джоанна — она будет когда-нибудь столько знать?

Сначала идешь по переулку, а потом в деревянные ворота с перелазом. Через перелаз коляску не протащишь —

приходится открывать ворота. Джессика спустила собаку с поводка, и пес вскарабкался на ворота и перемахнул на ту сторону, как его Джессика научила. Табличка гласила: «Пожалуйста, закрывайте ворота за собой». Джессика всегда убегала вперед и отодвигала запор, а потом они с Джоанной толкали ворота и качались. Мать тягала и пи-хала коляску: зимняя слякоть высохла и колеса застре-вали в колдобинах. Чтобы закрыть ворота, сестры тоже качались. Джессика проверяла запор. Иногда они висели на воротах вниз головой, и их волосы доставали до самой земли, точно метлы, и мать говорила:

— Перестаньте.

Тропа шла по кромке поля.

— Пшеница, — сказала Джессика.

Пшеница была высокая, но не такая, как изгороди в пе-реулке.

— Скоро будут собирать урожай, — сказала мать. — Жать пшеницу, — прибавила она специально для Джоан-ны. — А мы с тобой будем чихать и хрипеть.

Джоанна уже хрипела — в груди свистел воздух.

Пес ринулся в поле и пропал. Секунда — и он опять выпрыгнул из пшеницы. На той неделе Джоанна побежа-ла за ним, заблудилась в поле, и ее очень долго никто не мог найти. Она слышала, как ее зовут и уходят все даль-ше. Никто не слышал, как она отвечала. Разыскал ее пес.

На полдороге они остановились в тени деревьев у тро-пинки, сели на траву. Мать сняла пакеты с коляски и до-стала апельсиновый сок и коробку шоколадного печенья. Сок был теплый, а шоколадное печенье слиплось. Они дали печенье собаке. Мать засмеялась — перевернулся рот — и сказала:

— Господи, ну и бардак, — заглянула в сумку с детски-ми причиндалами, нашла чем вытереть сестрам руки и гу-бы, вымазанные шоколадом.

В Лондоне они устраивали настоящие пикники, грузи-ли в багажник большую плетеную корзину, доставшуюся

матери от матери, которая была богатая, но уже умерла (хотя оно, видимо, и к лучшему, потому что ей не удалось увидеть, как ее единственная дочь выходит замуж за эгоистичного похотливого бездельника). Если бабушка была богатая, почему же у них нету денег?

— Я сбежала, — объяснила мать. — Улизнула, чтоб выйти замуж за вашего отца. Очень романтично. Было. Ни гроша за душой.

— Зато у тебя была корзинка для пикников, — отметила Джессика, а мать засмеялась:

— Знаешь, иногда ты ужасно смешная.

И Джессика ответила:

— Знаю.

Проснулся Джозеф, и мать его покормила, расстегнув спереди клубничное платье. Джозеф так и уснул, присосавшись.

— Бедный ягненок, — сказала мать. — Из простуды никак не выкарабкается. — Она положила его в коляску и прибавила: — Так. Пошли домой. Включим садовый шланг, и вы освежитесь.

Он возник как будто из ниоткуда. Они его заметили, потому что собака зарычала, странно забулькала горлом, — Джоанна никогда не слышала, чтобы пес так говорил.

Он шел к ним очень быстро, становился все больше. И эдак смешно сопел и отдувался. Скорее всего, пройдет мимо и скажет: «Добрый день» — или там: «Привет» — люди всегда так говорят, если встречаешь их в переулке или на тропе. Мать к ним обращалась: «Чудесный денек» — или там: «Жарко сегодня, а?» — но этому человеку ничего не сказала. Зашагала быстро, изо всех сил толкая коляску. Покупки остались на траве, и Джоанна хотела поднять один пакет, но мать сказала:

— Оставь.

Что-то в голосе ее, в ее лице испугало Джоанну. Джессика схватила сестру за руку и сказала:

— Быстрее, — резко, по-взрослому.

Джоанна вспомнила, как мать швырнула в отца белосиний полосатый кувшин.

Человек шел теперь туда же, куда они, рядом с матерью. Мать шагала очень быстро и твердила им:

— Скорее, скорее же, не отставайте. — Она словно задыхалась.

Потом пес кинулся человеку наперерез, залаял, запрыгал, словно пытался преградить ему дорогу. И внезапно человек пнул пса, и тот взлетел и приземлился где-то в пшенице. Им не было видно, но они слышали ужасный скулеж. Джессика встала перед человеком и что-то закричала, тыча пальцем, ловя ртом воздух, как будто не могла дышать, а потом помчалась в поле за собакой.

Дело было плохо. Спору нет.

Джоанна всматривалась в пшеницу, пытаясь разглядеть, куда подевались Джессика и собака, и не сразу заметила, что мать дерется с этим человеком, бьет его кулаками. Но у человека был нож, человек все время его поднимал, и нож вспыхивал серебром под жарким солнцем. Мать закричала. Все лицо в крови, и руки, и сильные ноги, и клубничное платье. И тут Джоанна сообразила, что мать кричит не на человека, мать кричит на нее.

Мать зарезали тут же — большой серебряный нож вонзился ей в сердце, точно мясницкий тесак в коровью тушу. Матери было тридцать шесть лет.

Видимо, этот человек и Джессику успел пырнуть, потому что за ней тянулся кровавый след, тропка, что привела их к ней, но не сразу, потому что сначала пшеничное поле укрыло ее золотым одеялом. Она лежала, обняв тело пса, их кровь перемешалась и утекла в сухую землю,

питая зерно, — жертвоприношение урожаю. Джозеф умер на месте, пристегнутый к коляске. Джоанне хотелось думать, что он так и не проснулся, но она не знала наверняка.

А Джоанна... Мать закричала на нее, и Джоанна послушалась.

— Беги, Джоанна, беги! — закричала мать, и Джоанна побежала в поле и заблудилась в пшенице.

Потом, когда уже стемнело, ее нашли другие собаки. Незнакомый человек взял ее на руки и унес.

— Ни царапинки, — услышала она; над головой в холодном черном небе ослепительно сияли луна и звезды.

Надо было, конечно, схватить Джозефа, выдернуть его из коляски или побежать с коляской (Джессика бы так и поступила). И не важно, что Джоанне было всего шесть лет, что с коляской она бы недалеко убежала, что тот человек поймал бы ее за три секунды, — не в этом дело. Лучше попытаться спасти малыша и погибнуть, чем не попытаться и выжить. Лучше умереть вместе с Джессикой и матерью, чем остаться без них. Но она об этом не подумала — она просто сделала, что велели.

— Беги, Джоанна, беги! — велела мать; и Джоанна побежала.

Странно: теперь, тридцать лет спустя, больше всего ее бесило, что она забыла, как звали собаку. А спросить уже некого.

II. Сегодня

Плоть и кровь

Лужок тянулся по всей деревне, и его рассекала узкая дорога. На лужок смотрела начальная школа. Лужок был не квадратный, как он воображал, и пруда с утками там тоже не нашлось. Одно, казалось бы, графство — надо бы знать окрестности, но нет, Китсовы чужие поля¹. Йоркширские долины он знал понаслышке, из телевизора и кино, — то «Эммердейл»² мелькнет, то случится полуобморочная ночь на диване под «Девушек с календаря»³ по кабельному.

Тихо сегодня — среда, утро, начало декабря. Посреди лужка воздвигли рождественскую елку, но она пребывала перевозданно голой — ни игрушек, ни огней.

В последний (он же первый) раз он заезжал присмотреться к деревне в воскресенье после обеда, в разгар лета, и все здесь гудело: туристы пировали на траве, вокруг носились малыши, старики посиживали на лавочках, и все

¹ Аллюзия на «Оду соловью» (1819) английского поэта Джона Китса (1795–1821). Пер. Е. Витковского.

² «Эммердейл» (*Emmerdale*) — долгоиграющая (с 1972 г. по сей день) британская мыльная опера о жизни одноименной деревни в Западном Йоркшире.

³ «Девушки с календаря» (*Calendar Girls*, 2003) — фильм британского режиссера Найджела Коула, основанный на подлинной истории нескольких жительниц йоркширского городка: чтобы собрать деньги на исследования лейкемии, дамы не первой молодости выпустили календарь, для которого снимались обнаженными в домашней обстановке.

поголовно лизали мороженое. На краю лужка была какая-то песочница, где люди — местные, не туристы, — играли в некое подобие серсо — метали большие кованые кольца, тяжелые, как лошадиные подковы. Он и не думал, что люди еще так чудят. Вот ведь нелепица. Чистое средневековье. На лужке у креста рыночной площади до сих пор стоял позорный столб и, как сообщал путеводитель, располагалось «бычье кольцо». Он припомнил одноименный торговый центр в Бирмингеме, но потом прочел дальше: оказалось, у бычьего кольца собаками травили быков¹. Он решил (понадеялся), что позорный столб и кольцо — истории ради, для туристов, и больше не используются. Люди ехали в деревню на машинах — погулять и отдохнуть. Он-то нет. Он где стоит, оттуда и гуляет.

Он спрятался за номером «Дарлингтон энд Стоктон таймс», прочел рекламу похоронных бюро, малярных работ и подержанных машин. Центральная газета была бы подозрительнее, хотя и эту, местную, он купил в Хозе, а не в деревенской лавке — зачем лишний раз привлекать к себе внимание? У местных радар настроен на левых чужаков. Наверняка что ни лето — плетеного человека жгут².

В прошлый раз у него была роскошная тачка; сейчас он замаскировался получше, приехал на заляпанном грязью «дискавери» из проката, надел горные ботинки и куртку «Норт фэйс» на флисе, а на шею повесил карту Кар-

¹ У названия торгового центра «Бычье кольцо» (*Bull Ring*) в Бирмингеме та же этимология: оно происходит от железного кольца на рыночной площади — к нему привязывали быков, которых травили собаками перед забоем.

² В традиционной практике кельтских язычников большую плетеную клетку в виде человека сжигали в качестве жертвоприношения богам (древние друиды запирали внутри человеческую жертву; современные неоязычники от жертв воздерживаются). В 1973 г. британский режиссер Робин Харди снял фильм ужасов «Плетеный человек» (*The Wicker Man*) с Эдвардом Вудвардом в главной роли, а в 2006 г. американский режиссер Нил Лабьют поставил римейк, в котором главную роль сыграл Николас Кейдж.

тографического управления в пластиковом чехле, тоже купленную в Хозе. Он бы и собаку взял, если б их давали напрокат, и тогда стал бы копией любого другого туриста. Как это так — негде арендовать собаку? Вот какая ниша на рынке пустует.

Он приехал на прокатной машине со станции. Он бы ехал в собственной роскошной тачке всю дорогу, но когда сел и повернул зажигание, обнаружилось, что машина не подает признаков жизни. Поломалось что-то непостижимое — наверное, электроника, решил он. Теперь в гараже Уолтэмстоу машину выхаживал поляк по имени Эмиль, у которого был доступ (какой славный эвфемизм) к подлинным запчастям «БМВ» вдвое дешевле, чем у официальных поставщиков.

Он глянул на часы — золотой «Брайтлинг», дорогой подарок. Время высшей марки. Ему нравились мужские примочки — машины, ножи, гаджеты, часы, — но вряд ли он потратил бы на часы столько денег.

«Дареному коню в зубы не смотрят», — улыбнулась она, когда их вручала.

— Да что ж такое, ну скорей же, — пробормотал он и боднул руль — легонько, не хватало еще, чтоб заоборачивались прохожие.

Маскировка — это да, но он понимал: если долго ошибаться в крошечной деревне, рано или поздно кто-нибудь начнет любопытствовать. Он вздохнул и посмотрел на часы. Подождем еще десять минут.

Через девять минут и тридцать секунд (он считал — а чем еще заняться? Только стоять при часах на часах) из школы выбежал авангард — два мальчика, две девочки. Они притащили сетки и блестяще отработанным маневром возвели на лужке футбольные ворота. Видимо, лужок был школе вместо игровой площадки. Каково учиться в такой школе, он и представить себе не мог. Его-то «началка» была выгребной ямой — денег слишком мало, народу слишком много, и куда ни плюнь цвел социальный

дарвинизм. Выживание быстреего. И это еще были плюсы образования. Настоящее образование, когда он взаправду сидел в классе и чему-то учился, ему обеспечила армия.

Ручеек детей в физкультурной форме вытек из школы и речной дельтой разлился по лужку. Потом вышли два учителя, стали раздавать футбольные мячи из корзины. Он считал детей, пока они выходили, — двадцать семь. Самые маленькие вышли последними.

Потом появились дошколята — их-то он и ждал. По средам и пятницам они занимались в пристройке на задках школы. Натан, едва ли не самый крошечный, ковылял вместе со всеми, держась за руку девочки много старше его. Натан. Отнюдь не титан. Его упаковали в какой-то комбинезон «все в одном». Темные глаза, черные кудряшки — достались от матери, тут возразить нечего. Курносый носик. Порядок — матери Натана нет, уехала к сестре, у которой рак груди. Его здесь никто не знает. Чужак в чужой стране. Мистера Футы-Нуты, Липового Папаши, не видать.

Он вылез из машины, прошелся туда-сюда, сверился с картой. Огляделся, словно только что приехал. Отсюда слышен водопад. Не видно из деревни, зато слышно. Тёрнер его рисовал¹, если верить путеводителю. Он побрел наискось по краю лужка, якобы к пешеходной тропе, — тропы тут змеились повсюду, уводили прочь из деревни. Остановился, сделал вид, будто смотрит в карту, бочком подобрался ближе к детям.

Старшие разминались, кидали и пинали мяч друг другу. Кое-кто тренировал удары головой. Натан с девочкой из малышей группы пытался гонять мяч. Упал — ноги заплелись. Два года и три месяца. Лицо сосредоточенно

¹ Речь идет об английском пейзажисте-романтике Джозефе Мэллорде Уильяме Тёрнере (1775–1851), который много времени проводил в Йоркшире и писал его на протяжении всей жизни.

Аткинсон К.

А 92 Ждать ли добрых вестей? : роман / Кейт Аткинсон ; пер. с англ. А. Грызуновой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 384 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-18772-6

В высшую лигу современной литературы Кейт Аткинсон попала с первой же попытки: ее дебютный роман «Музей моих тайн» получил престижную Уитбредовскую премию, обойдя «Прощальный вздох мавра» Салмана Рушди, а цикл романов о частном детективе Джексоне Броуди, успевший полюбить и российскому читателю («Преступления прошлого», «Поворот к лучшему», «Ждать ли добрых вестей?», «Чуть свет, с собакою вдвоем», «Большое небо»), Стивен Кинг окрестил «главным детективным проектом десятилетия». Суммарный тираж цикла превысил три миллиона экземпляров, а на основе первых его книг телеканал Би-би-си выпустил сериал «Преступления прошлого» с Джексонем Айзексом в главной роли.

В романе «Ждать ли добрых вестей?» действие происходит не в университетском Кембридже и не среди толп туристов, съехавшихся на Эдинбургский фестиваль, хотя шотландская столица вновь обеспечивает живописный фон происходящим событиям. А толчком к ним послужило кошмарное преступление тридцатилетней давности, всколыхнувшее тихий Девоншир и всю Англию; и вот осужденный убийца, отсидев положенное, выходит на свободу. Тем временем пропадает без вести доктор Траппер с маленьким ребенком — однако ее исчезновение тревожит, судя по всему, только ее овчарку Сейди и шестнадцатилетнюю бебиситтершу Реджи. А старший детектив-инспектор Луиза Монро озабочена другой пропажей — еще не зная, что Джексон Броуди вот-вот опять ворвется в ее жизнь, причем на всех парах (в буквальном смысле).

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

КЕЙТ АТКИНСОН

ЖДАТЬ ЛИ ДОБРЫХ ВЕСТЕЙ?

Ответственный редактор Александр Гузман

Редактор Елена Микерина

Художественный редактор Виктория Манацкова

Технический редактор Татьяна Раткевич

Корректор Татьяна Бородулина

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 20.10.2020. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 16.92. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —

обладатель товарного знака АЗБУКА®

115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-MBD-27412-01-R